

Жить и работать на «улице Достоевского»

Москва, правда, 2002 - 6 марта - с.6

Поэту, писателю и историку **Игору Леонидовичу Волгину** сегодня исполняется 60 лет. Юбилейный творческий вечер, на котором выступят его коллеги и ученики (ведущий вечера - Лев Аннинский), состоится сегодня в Малом зале Центрального Дома литераторов.

Что сделал действительный член РАЕН, доктор филологических наук, профессор МГУ, президент Фонда Достоевского, член ПЕН-центра, автор более 200 работ, посвященных истории русской литературы, журналистики и общественной мысли, Игорь Волгин перед своим юбилеем?

Выступил в ноябре 2001 года на праздновании 180-летия со дня рождения Федора Михайловича Достоевского в его московской квартире-музее - там, где родился и жил почти до шестнадцати лет до переезда из первопрестольной в северную столицу «самый петербургский писатель».

Провел минувшим декабрем в качестве президента Фонда Достоевского международный симпозиум «Достоевский в современном мире. 1821 - 2001», где было в очередной раз показано, что Достоевский не есть сугубая принадлежность тех, кто занимается им в силу профессиональных влечений. Достоевского, по счастью, невозможно монополизировать и «приватизировать». Его творчество - достояние мировое, всеобщее, и каждый читатель, включая и читателя-специалиста, может найти в великих книгах созвучное себе и своему времени.

И, наконец, Игорь Волгин выпустил фундаментальное исследование «Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 года» - в продолжение прежних томов, которые вкупе можно рассматривать как документальную биографию автора «Братьев Карамазовых». А это такие книги, как «Последний год Достоевского», «Родиться в России. Достоевский и современники: Жизнь в документах», «Метаморфозы власти. Покушения на российский трон в XVIII- XIX вв.», «Коллебяск без заданной. Достоевский и императорский дом». Целый свод книг, основанных на документальных источниках, многие из которых впервые вводятся исследователем в научный обиход. Здесь предпринята успешная попытка реконструкции основных вех русского девятнадцатого столетия. Достоевский же в общем повествовании предстает одной из ключевых фигур своего века, в то

же время сумевшим предугадать драматические завязи событий и человеческие типы столетия следующего.

В этом смысле можно говорить, что Игорь Волгин живет и работает на «улице Достоевского». Так что когда и нам случится побывать в тех краях, неплохо бы в качестве путеводителя захватить с собой какую-нибудь из волгинских книг. Хотя лучше все-таки ознакомиться с текстами заранее, поскольку «Пропавший заговор», к примеру, представляет собой увесистый фолиант, который желательно штудировать за письменным столом.

Историк, архивный и библиотечный разыскатель, литератор - это все ипостаси повествователя. Но мне, к примеру, в авторе все больше виделся преподаватель, чьи студенты существуют в промежутке времен. Ведь учащаяся молодежь сильнее, чем кто-либо, ощущает на

себе, как эра логоцентричная, словесноцентричная, порожденная гутенберговым печатным станком, теснится видеоэрой - эрой электронных СМИ, телевидения, компьютера и Интернета. Наглядность, визуальность, «картинка» для нынешнего ученика и студия - первойшее дело. И не потому ли в книге о художнике слова, литераторе материал подается столь выукло, зримо: документы монтируются в блоки, оформленные броскими заго-

ловками (монтаж, как известно, метод кинематографа), а что касается иллюстративного ряда, то это не только фон описываемых событий (революция во Франции 1848 года, например), но и вместе со словом смыслонесущий элемент исследования.

Знакомясь с представленной тут галереей портретов, читатель поновому - в контексте эпох - открывает даже известные лица. Вот «наше все» - Пушкин. Речь о русском национальном поэте при открытии ему памятника в Москве в 1880 году сделает Достоевского триумфатором, проявив его общественную роль как признанного властителя дум. Вот возвышенный облик Шиллера, от кого Достоевский воспринял заветную триаду «Истина. Добро. Красота». Вот собственная персону Гоголь. Чтение письма Белинского к нему инкриминировалось Достоевскому и его товарищам по кружку на политическом процессе, завершившемся грандиозной инсценировкой смертной казни на Семеновском плацу 22 декабря 1849 года. По странно стечению обстоятельств в тот год автор «Бедных людей» жил неподалеку от того, кто создал «Шинель», - в адмиралтейской части Петербурга. Вот черноротый странного вида мужчина - Буташевич-Петрашевский, в доме которого сходились на «пятницы» образованные молодые люди - русские социалисты. Петрашевский назовет их дело «процессом о намерениях». И в XX веке в России еще будут судить за «намерения». Вот молодой человек с кудрями до плеч и взором, который хочется назвать по-блоковски «воспаленным», - Спешнев. Это «спешневский» заговор о заведении типографии «пропал», по гипотезе Игоря Волгина следователи не докопались до него.

И в конце - снова об авторе. Он предстает человеком, живущим в России на рубеже тысячелетий, обладающим суммой знаний, оптикой и лексикой своего века, но чувствующим себя свободно в исторических реалиях века девятнадцатого.

Более того, автор наследует идущие оттуда моральные ценности. «Без целомудрия нет милосердия», - афористично выразился Игорь Волгин в недавней передаче телеканала «Культура». Подобная максима в духе Достоевского дорогого стоит.

Татьяна СЕРГЕЕВА.